

Глава 19. Первая прогулка по уезду Хэюань и знакомые картины на Западной улице

Уезд Хэюань

Дорога от заставы Медной Горы до уезда Хэюань занимала добрую половину дня. Стояло раннее утро. Вдоль русла реки Пинхуа в рассветной дымке неторопливо скакали три всадника. Лошадь посередине — огненно-рыжая, благородной стати — выделялась особой грацией. Наездник в простом жемчужно-белом одеянии с узорчатой каймой был не кто иной, как генерал Чун Дай. Впереди ехал принц Чэн, Чун Ю, а позади следовал Чун Лю-эр — его верный слуга.

Ранее, распивая чай в ставке, Чун Ю обмолвился о чистейших источниках уезда Хэюань и предложил Чун Даю съездить туда вместе. Не желая привлекать лишнего внимания, они решили не брать с собой свиту, ограничившись лишь Чун Лю-эром.

Когда показалась окраина городка, всадники натянули поводья и перешли на шаг.

— Цзыхоу, а твой Несущийся сквозь Ночь и впрямь на редкость хорош, — заметил Чун Ю, разглядывая скакуна. — Проскакал десятки ли, а ни капли пота не проступило. Не зря ты вёз его с собой из самого Тяньцзина.

Чун Дай ласково потрепал Несущегося сквозь Ночь по лоснящейся гриве. Конь, невероятно чуткий, тут же зафыркал и шутливо мотнул головой, выпрашивая ласку, отчего все трое дружно рассмеялись.

Чун Ю придержал коня, давая Чун Даю возможность поравняться с ним, однако тот намеренно оставался чуть позади, на расстоянии полукорпуса. Он прекрасно знал меру и правила приличия: даже если едущий рядом принц приходился ему двоюродным братом, забывать о субординации не следовало.

Чун Ю обернулся к брату.

— Цзыхоу, мы ведь поехали налегке и без лишней помпы, к чему эта напускная строгость? — С этими словами принц подался вперёд, перехватил уздечку Несущегося сквозь Ночь и мягко потянул коня, заставляя идти вровень.

Чун Дай хотел было возразить, но Чун Ю жестом прервал его.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — мягко улыбнулся принц. — Но давай оставим церемонии. Будем звать друг друга просто по-братски, будто мы старые друзья на прогулке. Не нужно привлекать к себе любопытные взгляды.

Чун Дай согласно кивнул:

— Слушаюсь... то есть, я понял тебя, брат.

Уезд Хэюань истари считался ключевым узлом на границе. Он примыкал к заставе Небесного Замка и, пользуясь выгодным положением, процветал; хоть земли эти и граничили с кочевниками-бэйди, набегам они подвергались куда реже, нежели застава Медной Горы. У самого въезда путников встретили величественные девятиярусные ворота. Их изогнутые крыши взмывали к небу, а балки пестрели памятными надписями, оставленными самими императорами и прославленными полководцами прошлых лет. Чун Дай то и дело притормаживал коня, внимательно вглядываясь в каллиграфические росчерки, в то время как Чун Ю, державшийся по правую руку, почти не смотрел на памятники — он неотрывно следил за спутником.

Неторопливо продвигаясь вперёд, всадники миновали городскую черту. Хэюань оправдывал славу богатого края. Город делили четыре широкие улицы. Если поехать по Северной, дорога вывела бы напрямик к военным укреплениям заставы Небесного Замка. В тех краях хребты Великих Синих Гор заметно сглаживались, и весенние талые воды, стекая со склонов, питали здешние земли множеством мелких, хрустальных ручьёв. Впрочем, набирать ключевую воду Чун Ю пока не торопился. Помня, что Чун Дай здесь впервые, он вызвался показать ему город. Они несколько раз проехали по самой оживлённой, Восточной улице. Жизнь тут кипела вовсю: лавки, чайные, трактиры, игорные дома и пёстрые торговые ряды теснились по обеим сторонам дороги. И пускай здешний размах уступал роскоши проспектов Тяньцзина, провинциальная суэта всё же имела своё особое, притягательное очарование.

Вскоре всадники свернули на Западную улицу. Она была заметно короче Восточной, но куда тише и опрятнее — здесь в основном располагались книжные лавки и аптекарские склады. Они не успели проехать и половины пути, как Чун Лю-эр вдруг звонко воскликнул:

— Господин, поглядите! Надо же, здесь тоже есть трактир «Взлёт Процветания»!

Слуга не зря удивился: «Взлёт Процветания» принадлежал самому Чун Даю, и во всей империи существовало лишь три подлинных заведения под этой вывеской — в Тяньцзине, Нанкине и Сицзине.

Чун Дай посмотрел в указанном направлении. Перед ними действительно красовался двухэтажный ресторан. Над его дверями висела широкая деревянная доска с размашистой надписью: «Взлёт Процветания», а мелкая приписка сбоку гласила: «Юаньхэский филиал». Чун Ю не удержался от смешка:

— Какое совпадение! Встретить твою вывеску в такой глуши — это ли не добрый знак? — С этими словами он спешил и уверенно вошёл внутрь.

Глядя на вывеску, Чун Дай невольно вспомнил Фу Исяня, оставшегося в далёкой столице. Перед глазами вновь ожил тот день, когда он открыл юноше своё сердце. Он прекрасно знал,

что помыслы Исяня давно принадлежали императору Чун И, но так и не смог заставить себя оборвать эти невидимые пути, не смог унять щемящую надежду. И теперь, находясь за тысячами от родного дома, он растерянно смотрел на поддельную вывеску собственного заведения, чувствуя, как его сдавливает глухая тоска.

— Господин, пойдёмте, — тихонько потянул хозяина за край плаща Чун Лю-эр.

Время близилось к полудню, и в просторном зале псевдо- «Взлёта» уже сидело несколько хмурых местных обывателей. Чун Ю приказал проводить их в отдельный кабинет с окнами на юг, заказал несколько простых домашних блюд и велел подогреть кувшин густого рисового вина. Сметливый молодой трактирщик по одному лишь благородному виду гостей сразу понял, что перед ним важные господа, и принялся угождать им с удвоенным рвением.

Чун Ю подцепил палочками ломтик тушёного баклажана и ободряюще кивнул Чун Даю, призывая того взяться за еду. Заметив, что хозяин совсем погрузился в свои невесёлые думы, Чун Лю-эр решил разрядить обстановку и обратился к суетившемуся у стола слуге:

— Послушай, приятель, а есть на вашей Западной улице что-нибудь любопытное? Расскажи, чем тут у вас развлекаются приезжие господа.

Трактирщик на миг задумался, припоминая городские слухи, а затем угодливо заулыбался:

— Ох, почтенный господин, городок у нас тихий, окраинный, диковин особых нет. Да только вот на днях у самого начала Западной улицы объявился один предсказатель. Арендовал небольшую лавку и давай судьбу предсказывать: и по звёздам гадает, и по лицу будущее читает, и иероглифы толкует — за любое дело берётся! Да так ладно у него выходит, что отбоя от людей нет.

— И что, неужели его предсказания действительно сбываются? — полюбопытствовал Чун Ю.

— Сам-то я у него не бывал, куда уж мне, — признался парень. — Но соседи в один голос твердят, будто слова его — чистая правда, насквозь человека видит. Оттого и народу к нему ломится уйма.

Чун Ю с улыбкой посмотрел на кузена:

— Ну что, Цзыхоу, не сходить ли и нам ради забавы после обеда?

Чун Дай лишь рассеянно кивнул и шепнул Чун Лю-эру одарить слугу. Получив щедрые чаевые — увесистый кусочек серебра, — трактирщик так и расплылся в благодарностях. Уже у порога он обернулся и предупредил:

— Благодарствую, господа! Коль решите попытать удачу, ступайте поскорее. Уж больно нрав у

этого прорицателя причудливый: принимает он строго по девять человек в день, не больше.

Расплатившись за обед, они отправились на поиски загадочной лавки. Чун Дай, чьи мысли всё ещё блуждали в воспоминаниях о Фу Исяне, шёл без особого энтузиазма, поддерживая разговор лишь из вежливости. Попетляв по переулкам, всадники остановились перед невзрачным домом с глухими воротами из тёмного дерева, обитыми по углам полосками потемневшего железа. Посреди узкой створки тускло поблескивало бронзовое зеркало с начертанными триграммами багуа. Чун Ю легонько коснулся плеча кузена сложенным веером:

— Ну вот, Цзыхоу, мы и на месте. Ты только посмотри на эти парные надписи у входа — каков нахал, а?

Чун Дай поднял глаза на косяки ворот, где красовались размашистые строки:

Два взора видят ход явлений тьмы и света,

Уста одни вещают тайны духов и богов.

Чун Дай, никогда не веривший в потустороннюю чепуху, лишь скептически усмехнулся над столь вопиющим бахвальством:

— Что за великий кудесник тут укрылся? Пойдём, брат, посмотрим на это чудо вместе.

За скрипучей дверью открылся длинный полутёмный коридор, переходивший в просторный покой. Посреди него за низким столом сидел отрок лет двенадцати-тринадцати. Гости невольно переглянулись.

«Неужели этот ребёнок и есть тот самый грозный вещатель судеб?»

Мальчик лениво посмотрел на них, словно угадав их безмолвный вопрос, и равнодушно проронил:

— Коль пожаловали по делу или за советом, я позову учителя. Если же забрели праздню — уходите.

Возмущённый столь дерзким приёмом, Чун Лю-эр решительно шагнул вперёд. Сам он был одних лет с этим служкой, но, избалованный вниманием своего господина, в столице чувствовал себя вольготно, а потому умел напускать на себя важность, когда того требовали обстоятельства.

— Эй, малец! Мой господин пришёл сюда, прослышав о славе твоего хозяина. Ступай и позови его живее, да не заставляй нас ждать!

Отрок, услышав обращение «малец», смерил Чун Лю-эра высокомерным взглядом и надменно процедил:

— Словесная плата моего учителя — пятнадцать лянов серебра за одно гадание.

Чун Ю недовольно нахмурился и, склонившись к самому уху брата, вкрадчиво прошептал:

— В уезде живут в основном бедняки да мелкие ремесленники. Откуда у них такие деньжищи за одну лишь глупую бумажку? Наш трактирщик наверняка с ним в доле, заманивает доверчивых простаков за звонкую монету.

— Больше похоже на то, что этот малый задирает цену, почуяв богатую добычу, — тихо отозвался Чун Дай. — Обычным крестьянам они наверняка гадают за горсть медных монет, а с нас, чужаков, решили содрать три шкуры. Что ж, проучим этих пройдох.

Заметив согласный кивок кузена, генерал сделал знак Чун Лю-эру. Тот мгновенно запустил руку за пазуху, выхватил увесистый серебряный слиток и со стуком опустил его на деревянную столешницу.

— Подумаешь, жалкие пятнадцать лянов! Мой господин заплатит вдесятеро больше, если пожелает узнать свою судьбу!

Мальчик неторопливо поднялся, оценивающе оглядел роскошные одеяния Чун Ю и Чун Дая, после чего вежливо сложил ладони в приветственном жесте:

— Прошу почтенных господ обождать. Я сейчас же позову учителя.

<http://bllate.org/book/19874/2040415>